

ВОЙНА ЦѢНА ОТД. № ВЪ РОЗН. ПРОДАЖЪ 25 К. И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 30 К. **НОВЫЙ**  
**САТИРИКОН**

1  
306  
1917

№ 9

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1917

23 ФЕВРАЛЯ

Рис. А. Радакова.



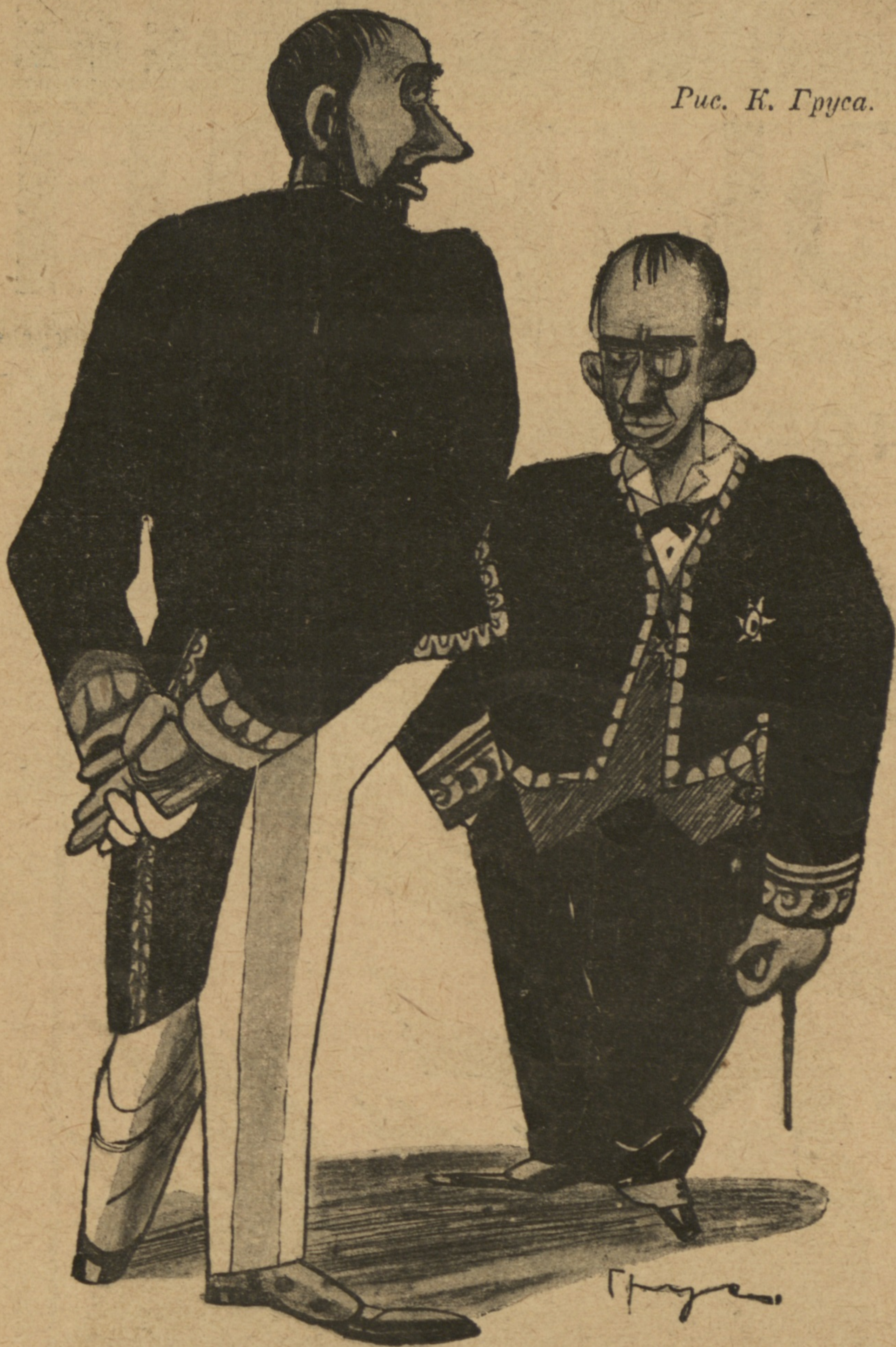
30  
ЯВ СТАНЦІЯХ

СПОХВАТИЛСЯ.

Марковъ 2-й и его присные искусственно старются оживить совсѣмъ замершія черносотенныя орга.изаціи.

Поздно!

Рис. К. Груса.



## АМЕРИКАНСКІЕ ДИПЛОМАТЫ.

- Кто, за послѣднее время были посланы Германіи ка-  
кія-нибудь ноты?  
— Да самая категорическія.  
— Мотивъ?  
— Мотивъ ноты — самый страстный: „не тронь меня,  
вѣдь я могу воспламениться!“

## НЕДОХОДНАЯ ДОЛЖНОСТЬ.

„Правые усиленно хлопочуть объ  
увеличеніи жалованья депутатовъ Думы“.  
(Изъ газетъ.)

Не завидуетъ и врагъ, —  
Просто чуть не плачѣмъ:  
— Получаемъ 340  
На своемъ горячемъ!  
А харчи-то, знаетъ всякій,  
«Колотся», какъ шпильки...  
Вотъ коллега Павсикакій  
Отдалъ рубль за кильки.  
Съѣшь ты мяса ль, съѣшь ты рыбы ль, —  
Сразу нѣтъ двухъ акцій!  
Мародеръ вишь тащить прибыль  
Даже съ правыхъ фракцій...  
Битыхъ три часа кадету  
Рѣчью тянешь жилы,  
А харчей казенныхъ нѣту,  
Чтобъ заправить силы!  
Какъ изъ пушечнаго жорла  
Рявкнешь: «Въ ухо двину!»  
А смочить захочешь горло, —  
Вынь за чай полтину.  
Родичева ль за крамолы  
Обругаешь съ лавки,  
Все трудъ такой чижолый  
Нѣтъ тебѣ набавки!

Дѣль же масса... Сыпь съ трибуны,  
Какъ изъ полной банки,  
Небоскребные перуны  
Подъ звонокъ Родзянки.

«Жарь» Чхеидзе, Милюкова,  
Возмутивъ палату,  
Шульгина да Маклакова, —  
Все за... ту же плату.

Хучь бы намъ, при общемъ шумѣ,  
За смиренье бунта  
Поднесло начальство въ Думѣ  
Ветчины два фунта...

Баста! Фракцію волнуя,  
Заявляю смѣло:  
Не набавятъ, — поищу я  
Выгоднѣе дѣло!

И, учтя дороговизну,  
«Ногу въ стремя вдѣну»...  
Не могу спасать отчизну  
За такую цѣну!

Доль.

## ГОРОШИНЫ.

— У васъ хорошей обойщикъ?  
— О, очень хорошей. Такой тщательный. Стѣ-  
ны всѣ пообиваль, мебель; теперь пороги обива-  
етъ — за деньгами ходить.

— Пословица гозорить: сѣдина въ бороду, а  
бѣсъ въ ребро.

— А, именно, въ какое ребро?

— Ясно: въ то самое изъ котораго сдѣлана  
женщина.

В.

## ЛЕГЕНДА О ВѢЧНОМЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКѢ.

Каждый уголокъ земного шара, каждая организація  
непремѣнно имѣютъ свою легенду.

Есть легенда и у Московско-Кіево-Воронежской желѣз-  
ной дороги.

Вотъ она:

Перваго января 1917 года въ вагонѣ третьяго класса  
поѣзда, отправлявшагося изъ Кіева въ Воронежъ, какимъ-  
то чудомъ попалъ старикъ 80 лѣтъ отъ роду, Иванъ Ага-  
сферовъ. Какъ могъ старикъ попасть въ вагонъ, никто не  
знаетъ. Можно предположить только одно: поданный на  
станцію составъ, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ,  
остановился въ самомъ началѣ дебаркадера, примѣрно въ 50  
шагахъ отъ поджидавшей его многотысячной толпы и какъ  
разъ напротивъ старика Агасферова.

Пока публика, вопя и оглашая воздухъ тысячею прокля-  
тій, мчалась къ поѣзду, старикъ успѣлъ забраться въ ва-  
гонъ, пройти въ самую середину его и забиться въ уголокъ  
дивана, у окошка.

Чтобы имѣть представленіе объ отправляющемся изъ  
Кіева поѣздѣ, надо нарисовать себѣ такую картину: на ди-  
ванахъ — по шесть человѣкъ; на спальныхъ верхнихъ ди-  
ванахъ, свѣсивъ ноги внизъ, сидитъ по три человѣка; на пол-  
кахъ для багажа лежитъ по два пассажира; въ проходахъ  
между диванами на горахъ багажа жметъ по три человѣка;  
коридоръ — море головъ; площадки — каша изъ пассажи-  
ровъ; ступеньки и переходные мостики изъ загона въ ва-  
гонъ — яблоку упасть негдѣ; если тепло, — на крышахъ  
по числу трубъ вагона — иксъ смѣлыхъ путешественни-  
ковъ.

Старику надо было сойти на станціи Путивль.

Такъ старикъ и попробовалъ сдѣлать. Когда откуда-то  
изъ глубины раздался голосъ кондуктора: «Слѣдующая оста-  
новка — Путивль», — старикъ всталъ и началъ пробираться  
къ выходу. Пока онъ дошелъ до ступеней вагона, поѣздъ  
успѣлъ сдѣлать полтора версты и подходилъ къ Курску.

Въ Курскѣ на вагонъ набросилась лава пассажировъ, и  
старикъ волею стихій былъ снова вдвинутъ въ середину ва-  
гона и выбрался опять къ ступенямъ уже на сотой верстѣ  
отъ Курска. Еще тридцать верстъ онъ спускался со ступеньки  
на ступеньку и на станціи Касторное, на разстояніи трех-  
сотъ верстъ отъ своего Путивля, вступилъ на твердую почву.

Три поѣзда прошли мимо старика. Попастъ на эти по-

ѣзда не смогъ бы даже гоголевскій городничій. На четвертый поѣздъ волею рока старикъ попалъ. Сначала на ступеньку, потомъ на площадку. Дальше площадки онъ рѣшилъ не идти. По опыту первой поѣздки на сотой верстѣ отъ Путивля онъ началъ игру на выходъ. Но судьбѣ пожелалось подтрунить надъ старикомъ: пассажиры площадки — сердобольные солдаты общими усилиями раздвинулись и старикъ очутился на полустанкѣ въ 80 верстахъ до Путивля. Въ минуту отъ поѣзда и слѣдъ простылъ. Старикъ остался на полустанкѣ.

Три дня старикъ ждалъ поѣзда, на который можно было бы попасть. Разгребалъ снѣгъ, кололъ начальнику дрова и въ благодарность удостоился милости: старика посадили въ вагонъ перваго класса, въ служебное отдѣленіе. Проводникъ, усадивъ Агасферова въ купэ, сказалъ: «Сиди, дѣдъ», заперъ купэ на замокъ и ушелъ. Поѣздъ прошелъ Путивль, пришелъ въ Кіевъ. Съ Кіева вагонъ отправили въ товарный паркъ, а съ парка вагонъ поступилъ во временное пользование другой дороги и ушелъ по направленію къ Одессѣ. На трехсотой верстѣ отъ Кіева купэ было открыто, и тихій, покорный старикъ былъ ссаженъ на перронъ, какъ безбилетный пассажиръ. Здѣсь судьбою старика заинтересовалась одна очень вліятельная дама, ѣхавшая черезъ Кіевъ и Путивль въ Петроградъ. Дама взяла съ собою Агасферова. Въ Кіевѣ дама на недѣлю сдѣлала остановку, а черезъ недѣлю поѣхала дальше. Подъ самымъ Путивлемъ у нея мелькнула мысль, что довольно любопытно показать этого старца у себя въ салонѣ и провезла старика мимо Путивля. Подъ Москвою она разочаровалась въ своемъ желаніи и въ сорока верстахъ отъ Москвы высадила старика изъ вагона. Теперь старикъ рѣшилъ никому больше не вѣрять свою судьбу и дѣйствовать самостоятельно. Началъ упорно ждать, ждалъ, дождался поѣзда и попалъ не на то направленіе. Въ Москвѣ онъ дѣйствовалъ болѣе осмотрительно. Сѣлъ на «свой» поѣздъ, но былъ черезъ три перегона ссаженъ, какъ неимѣющей плацкарты.

Какъ разъ тутъ наступилъ февраль, дни отмѣны пассажирскихъ поѣздовъ.

Дальше старика видѣли въ самыхъ разнообразныхъ уголкахъ дороги: и подъ Кіевомъ, и подъ Москвою, подъ Курскомъ, подъ Тулою, въ Бахмачѣ, въ Минскѣ, въ Одессѣ, въ Воронежѣ, въ Конотопѣ, одинъ разъ онъ попалъ даже въ Тарнополь.

Гдѣ онъ сейчасъ, сегодня?

Говорятъ:

— Мчится по направленію къ Благовѣщенску.

Евграфъ Дольскій.

## НА ПЕРРОНѢ.

Ж.-д. служащій: — Позвольте вашъ перронный билетъ!

Бѣженка: — Что значить? Съ какой стати? А вдругъ мужъ не пріѣдетъ?...

## С К А З К А.

— Что ты шьешь?

— Такіе скороходы,

Чтобы можно землю обойти,  
Всѣ увидѣть страны и народы  
И разгадку вѣчныхъ тайнъ найти.

— Что ты дѣлаешь, чужой веселью?

— Невидимку шапку мастерю,  
Чтобъ входить въ монашескую келью  
И въ покои пышные къ царю.

Смерть стояла близко — за порогомъ.

Въ ту же ночь она пришла къ нему.

— Ты заботился о слишкомъ многомъ;

Я — разгадка, я тебя возьму.

И достались чудо-скачки,

Невидимка пригодилась — тѣмъ,

Кто на свѣтѣ не искалъ свободы,

Быль и глухъ и безнадежно нѣмъ.

Алексѣй Липецкій.

## РУССКІЕ ИЗОБРАТЯТЕЛИ.

Обнаруженъ новый видъ мошенничества, съ цѣлью полученія сахара. Въ Кіевѣ стали возникать въ огромномъ количествѣ карамельныя и конфетныя фабрики, не занимающіяся въ дѣйствительности производствомъ. Онѣ получали отъ продовольственнаго отдѣла сахаръ.

(Изъ телеграммъ.)

Вчера встрѣчаю знакомаго адвоката. Онъ смущенно заявляетъ мнѣ:

— Открываю зуботехническую школу.

Я такъ и обомлѣлъ:

— Вы? А практика? А дѣла? Неужели, вы все это мѣняете на школу? Какой смыслъ?

А онъ тихонько говоритъ мнѣ на ухо:

— Зуботехническимъ школамъ полагается по пуду керосина въ недѣлю.

— По пуду? — восторженно захлебываясь, спросилъ я... — На что это?

— А они тамъ зубы варятъ на машинкахъ. Я ужъ узналъ достовѣрно. Пудъ керосина въ недѣлю. Стоить, а?

Я ничего не отвѣтилъ. Только въ душѣ у меня точилъ червь зависти.

— И отчего же я не догадался открыть такую школу?.. Впрочемъ, еще не поздно, въ городѣ ихъ 79. Теперь будетъ 81, вотъ и все...

Вечеромъ послѣ театра, я зашелъ въ какое-то новое небольшое кафе.

За кассой сидѣла почтенная дама, показавшаяся мнѣ очень знакомой...

Я долго всматривался въ нее и, наконецъ, спросилъ:

— Простите, вы не родственница ли начальницы и владѣлицы женской гимназіи Виноградовой?

Дама покраснѣла и тихо отвѣтила:

— Да это же я сама и есть.

Глотокъ кофе застрялъ у меня въ горлѣ, и я едва не задохнулся отъ изумленія.

Галстукъ самъ собою съѣхалъ налѣво, а въ головѣ поднялся клокъ волосъ и точно застылъ отъ удивленія.

— Вы ли это, Варвара Петровна? Начальница гимназіи? Ученая женщина, и за стойкой кафе?

Почтенная дама тихо сказала:

— А сахаръ кофейнямъ полагается?

— Ну?

— Ну, вотъ вамъ и ну. Гимназія мнѣ сахара не даетъ, а здѣсь сколько угодно.

Я понялъ все.

И тутъ же выпросилъ у милой дамы немножко сахару домой.

Въ вагонахъ трамвая.

Кондуктрисса. Послушайте, господинъ, вы уже три конца дѣлаете.

Пассажиръ. Въ чемъ же дѣло. Я же беру билеты на каждый конецъ.

Кондуктрисса. Но странно, куда вамъ надо?

Пассажиръ. А вамъ какое дѣло? Я катаюсь.

Кондуктрисса. Станете вы кататься? Удовольствіе какое? Господа пассажиры, вотъ этотъ человѣкъ уже 3 раза круговую линію объѣхалъ. И не слѣзаетъ. Три билета бралъ уже.

Голоса пассажировъ:

— Это подозрительно!

— Черный Биль?

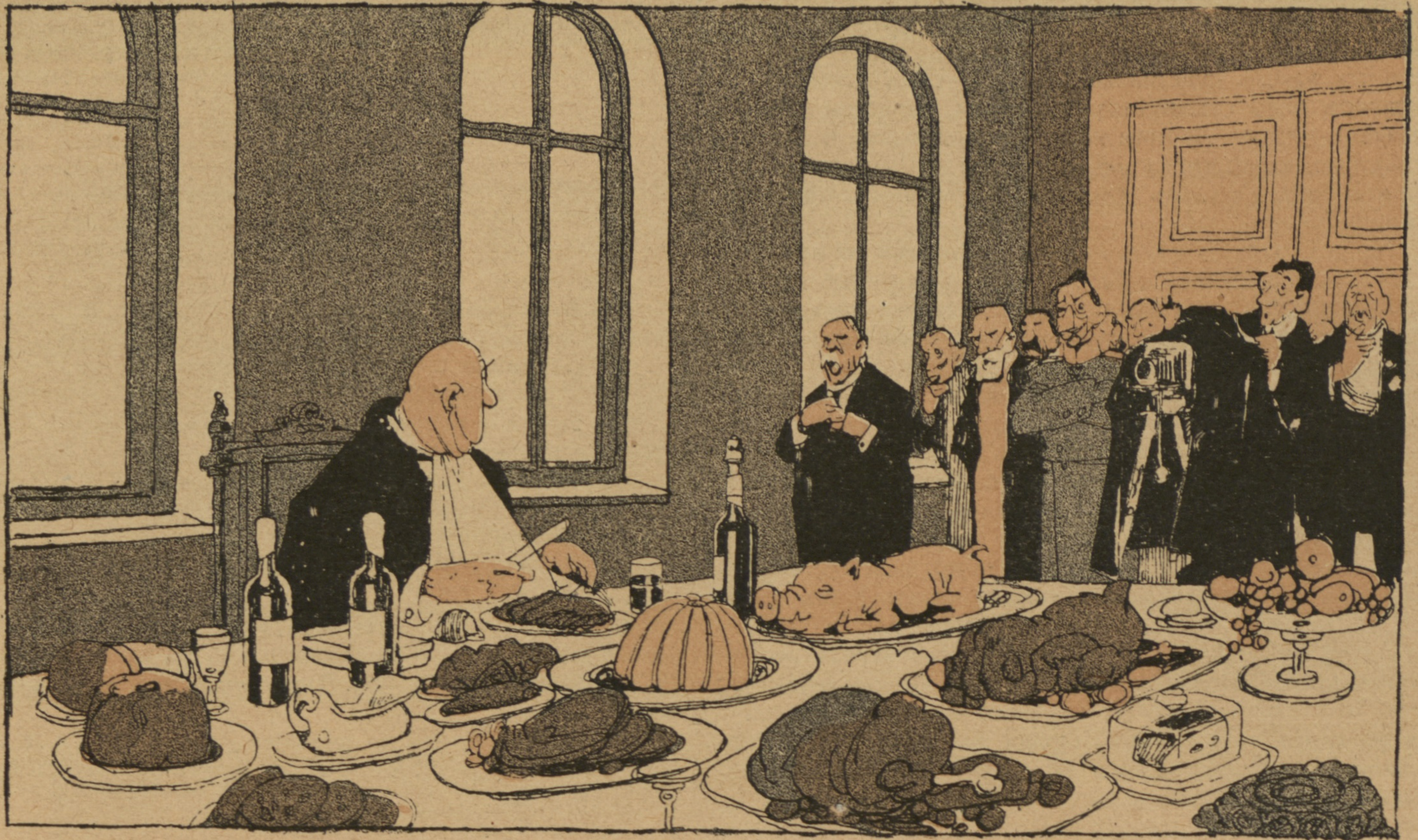
— Джекъ потрошитель.

— Можетъ быть, сумасшедшій.

— Позовите городского...

Пассажиръ: Господа, не волнуйтесь. Просто дома у меня темно и нѣтъ керосина. А я долженъ до завтра эту книгу дочитать; вотъ я и ѣзжу въ трамвай... Еще на 4 конца будетъ.

Борисъ Флитъ.



— Эй, вы, фотографы! Снимайте, чортъ возьми, поскорѣе и убирайте все, пока я не изощель слюной!!

### ТАКЪ УМИРАЮТЪ...

Тучи косматыя призрачно спутаны  
Въ небѣ хлодною и сѣромъ, какъ сталь,  
Осень, фатою тумановъ окутана,  
Мѣрно проходитъ въ беззвучную даль.  
Съ мертвенной блѣдности инея талаго,  
Съ вянущихъ ивъ надъ уснувшей рѣкой  
Въ глуби тревожнаго сердца усталого  
Сходитъ таинственно скорбный покой.  
Тише, чѣмъ скрипокъ протяжное пѣніе,  
Блекляя травы, клонясь въ полуснѣ,  
Трепетнымъ шорохомъ, шорохомъ тлѣнія  
Молятся небу о новой веснѣ...

Этой молитвѣ безъ слезъ и сомнѣнія,  
Эхъ, научиться бы мнѣ!

Бор. Авилловъ.

### ЧЕЛОВѢКЪ, КОТОРЫЙ НАШЕЛЪ СЕБЯ

Разсказъ Арк. Аверченко.

#### I.

- Кто вы такой?  
— Это не важно.  
— Кто васъ ко мнѣ направилъ?  
— Самъ пришелъ. По вывѣскѣ.  
— Что вамъ нужно?  
— Хочу у васъ работать.  
— А что вы умѣете?  
— Ничего.  
— Это уже кое-что, какъ сказалъ одинъ человѣкъ, получивъ по физиономіи. Однако, вы что же нибудь раньше дѣлали?  
— Ничего.  
— Но вѣдь жить же какъ-нибудь надо было?  
— Я и жилъ.  
— А питаться?  
— Вотъ этого именно я и не дѣлалъ. Голодалъ, какъ индусъ въ неурожайный годъ. Впрочемъ, я думаю, оно по мнѣ и такъ видно.

Говорившій эти слова былъ молодымъ, но уже сгорбившимся парнемъ, съ длинными обезьяньими руками, впалой

грудью и давно не бритой щетиной на худомъ скуластомъ лицѣ. На шеѣ болтался красный пязноватый шарфъ, не закрывавшій, однако, чудовищнаго кадыка, бѣшено прыгавшаго и катавшагося по всему горлу при каждомъ словѣ его обладателя...

Собесѣдникъ скуластаго парня былъ человѣкомъ совсемъ другого сорта: маленькій, съ огромнымъ лицомъ, въ центрѣ котораго оазисомъ собрались въ крохотную кучку глаза, носъ и ротъ, такъ что отъ носа до любого изъ двухъ, далеко загнанныхъ назадъ ушей, нужно было долго ѣхать по пустынной болотистой, безъ единого возвышенія и растительности мѣстности. Волосы на головѣ напоминали рѣдкую щетину, которая остается на полѣ послѣ работы косцовъ, а короткія толстыя руки обладали такой завидной гибкостью, будто внутри вмѣсто костей были проложены резиновые рукава...

Разговоръ происходилъ въ одиннадцать часовъ утра, въ помѣщеніи паноптикума, принадлежащаго короткому господину — Пуговицыну, по сценѣ Шарлю Нумикато, чревовѣщателю и фокуснику.

Въ данный моментъ Шарль стоялъ, облокотившись на стеклянный ящикъ съ тяжело дышащимъ смертельно раненымъ туркомъ внутри, а гость, опершись плечомъ на цоколь бюста Луккени, бросалъ косые любострастные взгляды на голую ногу разметавшейся въ сладкомъ снѣ венціанки.

— Отчего онъ дышитъ? — спросилъ практически настроенный гость, указывая на умирающаго турка. — Вѣдь публики все равно нѣтъ. Прикрутите его.

— И вѣрно! Этотъ подлецъ Гараська вѣчно позабудетъ выключить заводъ.

И, нагнувшись, Шарль увѣренной хозяйской рукой въ одинъ моментъ пресѣкъ смертельную агонію несчастнаго турка.

— Такъ вернемся къ нашему разговору, — вяло сказалъ хозяинъ, соображая, что ему можно зыжать изъ лѣниваго, но смекалистаго гостя. — Хотите, я васъ буду рѣзать и прокалывать иглками по способу факировъ. Очень интересно, и можно сорвать пару-другую сборовъ.

— Рѣзать? Стоить ли? — съ сомнѣніемъ сказалъ длинный парень, щурясь на голую грудь нюрнбергской мученицы, подверженной пыткѣ «вырыванія груди желѣзной лопой». — Стоить ли? Нѣтъ ли чего-нибудь полегче? Я все-таки за дза класса уѣзднаго кончилъ.

— Ужъ и не знаю, что еще легче этого. Ну, вспомните: можетъ, вы все-таки хоть что-нибудь дѣлали за свою жизнь?

— Вот только одно и дѣлалъ: голодалъ.  
 — Такъ и чортъ съ вами, — вдругъ побагровѣлъ хозяинъ. — Голодайте и впредь!!  
 — И буду, — ошетинился парень. — Наплевать. А вы не кричите. А то я васъ такъ крикну... Сорокъ дней буду голодать, а кричать на себя не позволю.  
 — Серьезно, можете сорокъ дней голодать? — съ внезапной задумчивостью въ лицѣ спросилъ Шарль.  
 — Да ужъ, знаете ли, могу похвастаться. Что-что, а это умѣю.  
 — Голубчикъ... хотите сдѣлаемъ дѣло? Голодайте у меня. За сорокъ дней я вамъ заплачу тысяченку и, кромѣ того, съ каждаго посѣтителя вы имѣете пятакъ, исключая дѣтей и нижнихъ чиновъ.  
 — Пятакъ? — переспросилъ настроившійся еще болѣе практически парень. — Гривенникъ.  
 — Гм... Но только имѣйте въ виду, кромѣ стакана воды въ день — ничего. Условія: ящикъ, бока стеклянные, верхъ цѣльнаго дерева, припечатанный полицейскими печатями, дѣвъ щели для воздуха, воронка для воды — контрактъ на сорокъ дней.  
 — Да вы хоть на ночь бы погулять меня выпускали.  
 — Милый другъ! Вы съ ума сошли! Вѣрите совѣсти — не могу. Вѣдь это въ интересахъ дѣла — стеклянный ящикъ, печати и прочее. Разъ публика повѣритъ — она валомъ пойдетъ, а ежели васъ выпускать, какой же тутъ контроль, согласитесь сами. Никакого интереса.

— Только условіе, — значительно сказалъ парень, блеснувъ на хозяина стальными зрачками, хронически голодныхъ глазъ. — Передъ посадкой накормить меня, какъ слѣдуетъ.  
 — Что вы, дяденька, что вы! Я думаю — наоборотъ, вамъ нужно въ день открытія сеансовъ перекусить еле-еле. Тогда и переходъ будетъ незамѣтнѣе и подготовка этакая получится.  
 — Много вы понимаете, — алчно щелкнулъ зубами парень. — Да вы не безпокойтесь. Я такой человекъ, что — ѣсть, такъ ѣсть, голодать, такъ голодать. Ужъ вы будьте благонадежны.  
 — Гм!.. Ну, чудесно. Ай-да въ контору — закрутимъ афишу позвончѣе.

II.

У входа въ паноптикумъ публика съ большимъ любопытствомъ останавливалась передъ огромными цвѣтными афишами, гласившими, что:

«Съ дозволенія (лира) начальства. Въ извѣстномъ паноптикумѣ и музеемъ Шарля Нумикато (настоящаго) состоится рядъ захватывающихъ сеансовъ подъ названіемъ:

ЧУДО ОРГАНИЗМА  
 или  
 Я НИЧЕГО НЕ ЪМЪ.

КАКЪ ЭТО ОБЪЯСНЯЕТСЯ.

Почему городской голова Леляновъ боялся пригласить журналистовъ и литераторовъ на банкетъ въ честь итальянской делегации и что бы вообще получилось, если бы онъ ихъ пригласилъ...

Рис. Б. Антоновскаго.



Леляновъ начинаетъ рѣчь.

Журналисты...



Леляновъ продолжаетъ рѣчь.

Журналисты...



Леляновъ кончаетъ рѣчь.

Журналисты...



Рис. В. Лебедева.

## СТРОГИЙ ПОРЯДОКЪ.

— Житье наше собачье! Въ баню приходится сходить всего разъ въ мѣсяцъ, да то не всегда.

— Ну, нѣтъ! У меня, братъ, для ванны есть свой строго назначенный день: беру ванну каждое 29-е февраля.

Научный, глубоко поразительный опытъ неядѣнія, показанный знаменитымъ сирійскимъ голодателемъ Макъ-Чамбокъ, интересующимъ въ настоящее время всѣ научные круги Европы, какъ загадка, дѣйствительно — что же это такое? — Всѣ мы, наши друзья и знакомые ѣдимъ три-четыре раза въ день и все время слышимъ: охъ какъ я голоденъ, а тутъ человѣкъ въ стеклянномъ запечатанномъ ящикѣ будетъ не ѣсть не пить (кромѣ одного стакана воды), и будетъ такъ сорокъ дней, сорокъ ночей голодать, подобно ковчегу, носившемуся въ свое время съ Ноемъ во главѣ, въ удостовѣреніе чего будутъ приложены полицейскія печати и полный контроль почтеннѣйшей публики, которая не оставитъ насъ своимъ посѣщеніемъ.

На премьеру (посаженіе Макъ-Чамбока въ ящикъ, запечатаніе его и первые моменты голоданія) плата повышена.

Отъ дирекціи: въ виду непонятія г-номъ Макъ-Чамбокъ никакого другого языка, какъ сирійскаго, всѣ разговоры публики съ нимъ воспрещаются, такъ же всякій шумъ, чтобы не нервничать знаменитаго голодателя.

*Дирекція Шарль Нутикато (настоящій)».*

Густая, благоговѣнно настроенная толпа окружала стеклянный ящикъ, въ который, кряхтя и шмыгая носомъ, усаживался Макъ-Чамбокъ. Несмотря на предостереженія хозяина, поѣлъ онъ въ ближайшемъ трактирчикѣ довольно плотно, оправдываясь тѣмъ, что «это же вѣдь на сорокъ дней — такъ чего жъ», — и теперь его мучила изжога.

Но наружно онъ сохранилъ мрачное спокойствіе, выпячивая впалую грудь и то-и-дѣло поправляя бретельки розоваго трико, въ которое облекъ его хозяинъ для внушенія большаго уваженія публики къ знаменитому сирійцу.

— Съли? — спросилъ хозяинъ. — Алло? Чебоксары дашнакцютюнъ?

— Латипакъ, — уныло отвѣтилъ сиріецъ, потирая сѣня отъ холода лапищи.

— Закрывай крышку! Ваше благородіе, господинъ околочный, можете накладывать печати. Научный фактъ со-вершился

Оркестръ изъ скрипки, піанино и кларнета грянулъ тушъ. Публика бѣшено заплодировала.

«Сиріецъ», нахмуривъ брови, сидѣлъ въ своемъ ящикѣ подъ взглядомъ сотни глазъ и хотя чувствовалъ себя героемъ, но никакъ не могъ найти подобающую важности момента позу: то опиралъ небритый подбородокъ на огромныя ладони синихъ рукъ, то закладывалъ ихъ за спину, то одну клалъ на грудь, а другой гладилъ узловатое, розовое, какъ семга, колѣно въ заштопанномъ трико.

Выпучивъ глаза и притаивъ дыханіе, благодушная публика разсматривала его, какъ нѣкую чудесную и страшную рыбу въ знаменитомъ неапольскомъ акваріумѣ.

— Дышитъ, — замѣтилъ кроткій гимназистъ.

— А чего жъ ему не дышать. На это уговору не было.

— Много времени прошло, какъ онъ сидитъ?

— 18 минутъ.

— А вѣдь, дѣйствительно, ничего не ѣсть.

— Подумаешь, важность. Этакъ и я могу ничего не ѣсть.

— Тю на тебя! Большой дуракъ выросъ, а ума не вынесъ. Ты-то, можетъ, и 18 часовъ ничего не поѣшь, зато потомъ такъ взвоешь, чтобъ тебѣ чѣмъ попало глотку заткнуть. А ему, братъ, еще сорокъ дней, сорокъ ночей голодать.

— Такъ чего жъ мы, идіоты, сегодня пришли. Намъ надо было дней черезъ пять придти.

— Да я и приду. А сейчасъ я явился для установленія научнаго факта.

— Установилъ? Доволенъ?

— Не ваше дѣло.

Молоденькая дама капризно выдвинула нижнюю губку и протяжно спросила своего спутника:

— Что жъ онъ такъ сидитъ и ничего больше не дѣлаетъ? Это скучно.

— То-есть? — забеспокоился на все готовый, чтобы развлечь даму своего сердца, кавалеръ.

— Сидитъ онъ и ничего не дѣлаетъ.

— Какъ ничего не дѣлаетъ? Онъ голодаетъ.

— Но вѣдь этого не видно. Вотъ и на томъ диванчикѣ сидятъ два чиновника. Разъ они ничего сейчасъ не ѣдятъ — они тоже голодаютъ?

— Виноватъ, Анна Викентьевна. Это разница: онъ голодаетъ запечатанный, а они, можетъ, передъ обѣдомъ голодаютъ.

— Все-таки, если бы онъ въ это же время что-нибудь пѣлъ или танцевалъ...

— Анна Викентьевна! Въ ящикѣ же! Голодаетъ же! При чемъ тутъ пѣніе?

Господинъ, опоздавшій къ торжеству запечатыванія, запыхавшись, подлетѣлъ къ ящику и ахнулъ:

— Уже? Запечатали? Жаль. Однако, видъ у него совсѣмъ не голодный.

— Сорокъ минутъ всего сидитъ, господинъ. Откуда жъ тутъ голодному виду взяться.

— Да, положимъ, вы правы. Хозяинъ! А водой его когда поить будутъ?

— Завтра объ эту пору. Милости просимъ.

— А у него довольно таки дурацкій видъ въ этомъ ящикѣ, — замѣтилъ приказчикъ Евгюковъ. — Пойдемъ, Мишель. Я рѣшилъ каждый день приходить сюда и провѣрять печати, чтобы не было жульничества.

— Эй, ты, какъ тебя... хозяинъ! — подошелъ къ Шарлю лабазникъ Сытовъ. — Нельзя ли черезъ сорокъ дней твоего ассирійца ко мнѣ на обѣдъ пригласить. Любопытно мнѣ, какъ онъ на харчъ накинется.

— Нѣтъ-съ, ему тогда много пищи нельзя давать. По удостовѣренію медицинскихъ свѣтилъ, въ первые дни ему нужно постепенно привыкать къ пищѣ: сначала стаканъ молока, потомъ корочку хлѣбца и такъ далѣе.

— А я думалъ, — разочарованно промямлилъ Сытовъ. — Ну, и шутъ съ нимъ. На что онъ мнѣ въ этомъ разѣ...

Публика скучающе глазѣла на задремавшаго сирійца и понемногу расходилась.

Скоро паноптикумъ опустѣлъ. И только смертельно раненый турокъ, по недосмотру нерадиваго Гараськи, дышалъ еще мучительно и тяжело, да Клеопатрина змѣйка поворачивала зеленую голову, медленно увядая въ полной смуглой рукѣ безвременной погубившей египетской царицы.

## III.

Была темная глухая ночь...

Полоска яркого свѣта показала въ щели двери, за которою спалъ хозяинъ паноптикума Шарль Нумикато, онъ же Сергѣй Пуговицынъ (настоящій).

Потомъ полоска свѣта сдѣлалась шире и, наконецъ, въ освѣщенномъ прямоугольникѣ показала маленькая широкая фигура Шарля.

Какъ заботливый хозяинъ, Шарль даже среди ночи не полѣнился подняться съ постели съ единственной цѣлью — взглянуть на свой лучший аттракціонъ:

Все ли въ порядкѣ и какъ себя чувствуетъ эта легендарная курица, которая должна нанести ему много золотыхъ яицъ...

Сиріецъ мирно спалъ, свернувшись калачикомъ на днѣ ящика и положивъ подъ голову тюфячокъ, на которомъ онъ сидѣлъ днемъ.

Грудь его спокойно и мѣрно дышала, но когда свѣтъ фонаря упалъ ему на глаза, — вѣки дрогнули, и сиріецъ, сладко зачмокавъ губами, вдругъ проснулся.

— Кто тутъ? — испуганно спросилъ онъ. — Вы, хозяинъ?

— Я, голубчикъ, я. Я, мой дорогой. Спи. Я только пришелъ взглянуть, все ли въ порядкѣ?

Сиріецъ потянулся, сѣлъ на своемъ тюфячкѣ и, почесывая костлявую декольтированную грудь, хмуро сказалъ:

— Оно, собственно, не все въ порядкѣ.

Шарль вздрогнулъ:

— Именно?!

— Именно то, что я ѣсть хочу.

— Ну, что жъ, — примирительно замѣтилъ Шарль, хотя сердце его болѣзненно сжалось. Всего теперь и осталося тридцать десять дней. Тридцать девять денечковъ: потерпи. А потомъ...

— Да вамъ легко говорить: потерпи, — недозволено пробормоталъ голодающій. — Вы, небось, ужинали, а я съ обѣда крошки во рту не имѣлъ. Который часъ?

— Три съ четвертью. Спи, голубчикъ, спи. Я пойду.

Онъ закрылъ фонарь и повернулся, чтобы уйти, но вдругъ за своей спиной услышалъ глухой и несмотря на это рѣшительный голосъ:

— Хозяинъ!

— Н-ну?

— Хозяинъ... Мнѣ такъ хочется ѣсть, что я уже раздумалъ. Выпустите меня изъ этой проклятой мышеловки. Я лучше буду что-нибудь другое дѣлать.

Цѣлый вихрь разноцвѣтныхъ кредитокъ закружился въ мозгу хозяина, улетаая отъ него, какъ стая вспутнутыхъ птицъ, куда-то далеко-далеко... Навсегда.

Глухо простоналъ Шарль, хватаясь рукой за свою огромную круглую голову.

— Мерзавецъ ты! Бродяга несчастная! Зарѣзать ты меня хочешь? Я афиши на недѣлю выпустилъ, околотоchnаго мазалъ, пристава мазалъ, весь городъ о тебѣ шумитъ, а ты... Нѣтъ, ты будешь у меня сидѣть, босякъ несчастный!

— Ёсть хочу! — угрюмо и вѣско сказалъ голодатель.

— Извольте видѣть — насидѣлъ. Наголодался. Чего жъ ты мнѣ, анаѳема, голову морочилъ?!

— Я раздумалъ, — солидно возразилъ сиріецъ. — Имѣю же я право раздумать. Нѣтъ ты меня, голубчикъ, лучше выпусти отсюда. Теперь, братъ, рабовъ нѣтъ. Всѣ свободные. Мало ли кого можно въ ящикъ засадить. Все равно, если не выпустишь, завтра при публикѣ такой скандалъ закачу, что тебѣ же хуже будетъ. Ну?

Низко опустил голову бѣдный Шарль... онъ ясно чувствовалъ, что если бы даже и удалось сегодня уговорить этого голодателя, все равно его не хватило бы на сорокъ дней. Да что тамъ на сорокъ, — и четырехъ дней не выдержитъ это животное

Шарль зажегъ электричество, подошелъ къ ящику, злобно сорвалъ печати и, стащивъ крышку «изъ цѣльнаго дерева», яростно прорычалъ:

— Вылѣзай, падалъ! Вонъ!!

Сиріецъ, молча, вылѣзъ изъ ящика, сладко потянулся и примирительно замѣтилъ:

— Чортъ же его зналъ, что оно такъ выйдетъ... Я думалъ, что выдержу. Значитъ мы такъ и расчитаемся: за одинъ день голоданія 25 цѣлковыхъ да по привеннику входныхъ — рублей 40. Но, конечно, разъ я сидѣлъ не цѣлыя

сутки — можно и скинуть: будетъ съ меня предовольно и пятидесяти монеть.

— Вонъ! — рывкнулъ хозяинъ, бѣшено потрясая короткими, извивающимися, какъ куски змѣинаго тѣла, руками.

— Ну, братъ, безъ выражений. Не люблю, — значительно сказалъ парень, какъ перышко отбрасывая хозяина съ пути и направляясь прямо въ его комнату. — А нѣтъ ли пожевать чего? Опустѣлъ я, братецъ ты мой, какъ барабанъ. Шутка-ли? Семь часовъ ничего не ѣлъ.

На столѣ стояли остатки ужина хозяина и его гостя — околотоchnаго надзирателя: поль-гуся, окорокъ и полдюжины крупныхъ яицъ.

Не обращая вниманія на хозяина, сиріецъ схватился за гуся и, разорвавъ его, какъ кусокъ ваты, въ пять минутъ очистилъ, ободралъ, обглодалъ до самыхъ крупныхъ костей. Мелкія же трещали подъ его страшными челюстями, какъ зернышки кофе въ кофейной мельницѣ.

При этомъ кадыкъ его прыгалъ и бѣгалъ по горлу самымъ страшнымъ образомъ.

Ъль...

Хозяинъ застылъ у другого конца стола въ нѣмомъ изумленіи и ужасѣ, а «гость», отхвативъ ножомъ фунта полтора окорока, въ три приѣма втянулъ, всосалъ, зпиталъ въ себя весь сочный огромный кусъ... Подъ ловкими обезьяньими руками съ машинной скоростью замелькала отбрасываемая скорлупа яицъ, а облупленные яйца, какъ ядра въ жерло пушки, забивались молніеносными автоматическими движеніями. Губы жадно хлопали, челюсти чавкали, уши шевелились на блѣдномъ отъ жадности лицѣ, какъ двѣ огромныя пивьки, и весь видъ «сирійца» былъ такъ неистовъ, что хозяинъ безсильно опустился на стулъ и только нашель въ себѣ силу пролепетать:

— Вы всегда... такъ?

— Нѣтъ, — пробормоталъ сиріецъ, вѣдаясь въ мякоть большого хлѣба. — Только когда голоденъ.

— А вы часто... такъ голодны?

— Всегда.

— Голубчикъ...

Взоръ Шарля загорѣлся новымъ бодрымъ огонькомъ. Онъ встрепенулся и съ мольбой протянулъ сирійцу дрожація толстыя руки.

— Голубчикъ! Не будемъ рвать нашего контракта... Только измѣнимъ его А? Я буду показывать знаменитаго обжору... А? Вы только не обижайтесь. Это такая аттракціа, что...

— А какъ же афиша? — заботливо спросилъ сиріецъ, поглядывая на хозяина изъ-за обглоданной кости окорока.

— Чортъ съ нимъ! Объявлю, что по незнанію сирійскаго языка не понялъ васъ и вмѣсто обжоры принялъ за голодателя. Голубчикъ! Вы двадцать французскихъ булокъ и цѣлаго гуся съѣдите въ вечеръ?

— Ну, ну не жмитесь, — недовольно сказалъ сиріецъ. — Могли бы и фунтика три колбасы подбросить... и дюжинку-другую яичекъ...

— Благодарѣть! — простоналъ Шарль, позисая на длинномъ парнѣ, какъ летучая мышь на осинѣ. — Вѣдь это еще больше шуму сдѣлаетъ, чѣмъ дурацкое голоданіе.

— Да это я могу, — жадно прорычалъ парень, счищая съ себя хозяина. — Жалко, что уже поздно...

— А то?..

— А то можно бы и сейчасъ начать.

Какъ трудно, читатель, среднему человѣку найти себя, и еще вопросъ, чѣмъ былъ бы Христофоръ Колумбъ, если бы не ударился въ мореплаваніе?.. Не былъ ли бы онъ жалкимъ портовымъ грузчикомъ лимоновъ на чужихъ корабляхъ и была ли бы тогда открыта Америка?

И не вправъ ли мы предположить, что бѣдный, ничтожный трамвайный вагоновожатый таитъ никѣмъ не открытыя способности государственнаго строительства, а изъ директора департамента общихъ дѣлъ на самомъ дѣлѣ, при благоприятныхъ условіяхъ, выработался бы гениальный смазчикъ вагоновъ?

Такъ и нашъ сиріецъ, который послѣ долгихъ и напрасныхъ мученій, вдругъ, въ одну темную осеннюю ночь, наконецъ-таки:

— «Нашель себя».

Аркадій Аверченко.



## С Т А Р О Е.

Мелькаетъ профиль пети-метра  
Среди боскетовъ и куртинъ.  
Ахъ, милый дерзкій либертинъ,  
Обманнѣй грезъ, невѣрнѣй вѣтра!  
Меня ли онъ, другую-ль ждетъ  
Тамъ, у подножья стройной вазы?  
Увы! Мой нѣжный алый ротъ  
Не цѣловаль его ни разу!..

«Ma chère, tenez vous, donc, droite»!  
О, какъ мнѣ скучны наставленья,  
Когда весеннее томленье  
Мечты уноситъ въ Лѣтній садъ.  
Ворчитъ уродъ въ чепцѣ изъ фетра.  
А тамъ — фонтанъ, а тамъ — Амуръ  
И тонкій профиль пети-метра!

Лидія Лѣсная.

## „ЦЕНТРОДЕПУТАТЪ“.

Въ кругахъ съ вполне опредѣленными центрами и радиусами готовится проектъ о лучшемъ обезпеченіи депутатовъ.

242-й летучій отрядъ «по снабженію и устройству депутатской жизни», выдѣленный организаціей «Центродепутатъ», прибылъ на квартиру депутата Ивана Ивановича.

— Здравствуйте, дорогой Иванъ Ивановичъ!..

— Здравствуйте, господа!.. Чѣмъ могу служить?

— Не вы намъ служить, а мы вамъ служить... Вы же можете служить лишь объектомъ нашихъ заботъ и попеченій.

— Чему я обязанъ?.. Я смущень, господа... я — скромный народный представитель, по мѣрѣ физическихъ и моральныхъ силъ.

— Въ вашемъ лицѣ, обожаемый Иванъ Ивановичъ, мы служимъ идеѣ народнаго представительства. Заботясь о ва-

шемъ благоденствіи мы тѣмъ самымъ заботимся о благоденствіи народнаго представительства. Чѣмъ въ лучшихъ условіяхъ живетъ человѣкъ, тѣмъ его организмъ скорѣе и легче вырабатываетъ въ себѣ ферменты жизнестойкости и жизнеспособности, а mens sana in corpore sano — въ здоровомъ тѣлѣ здоровый духъ. Тамъ, гдѣ здоровый духъ и здоровыя, крѣпкія, исконныя идеи. Я уступаю слово нашему товарищу, звѣдующему хозяйствомъ отряда; рекомендую: господинъ Мягковъ.

— Очень радъ.

— Разрѣшите, Иванъ Ивановичъ, устлать вашъ кабинетъ персидскимъ ковромъ, чтобы заглушить шумъ вашихъ шаговъ, когда вы, готовясь къ выступленію на высокой кафедрѣ, ходите изъ угла въ уголь... Чумаченко, тащите коверъ изъ грузовика, живо!

— Зачѣмъ же? право, не нужно... Мнѣ совѣстно!

— О, нѣтъ, нѣтъ, не противьтесь: если ваши избиратели сами не догадываются позаботиться о своихъ избранникахъ, то мы считаемъ это своимъ нравственнымъ и гражданскимъ долгомъ...



РЯДЪ ВОЛШЕБНЫХЪ ИЗМѢНЕНІЙ МИЛАГО ЛИЦА.

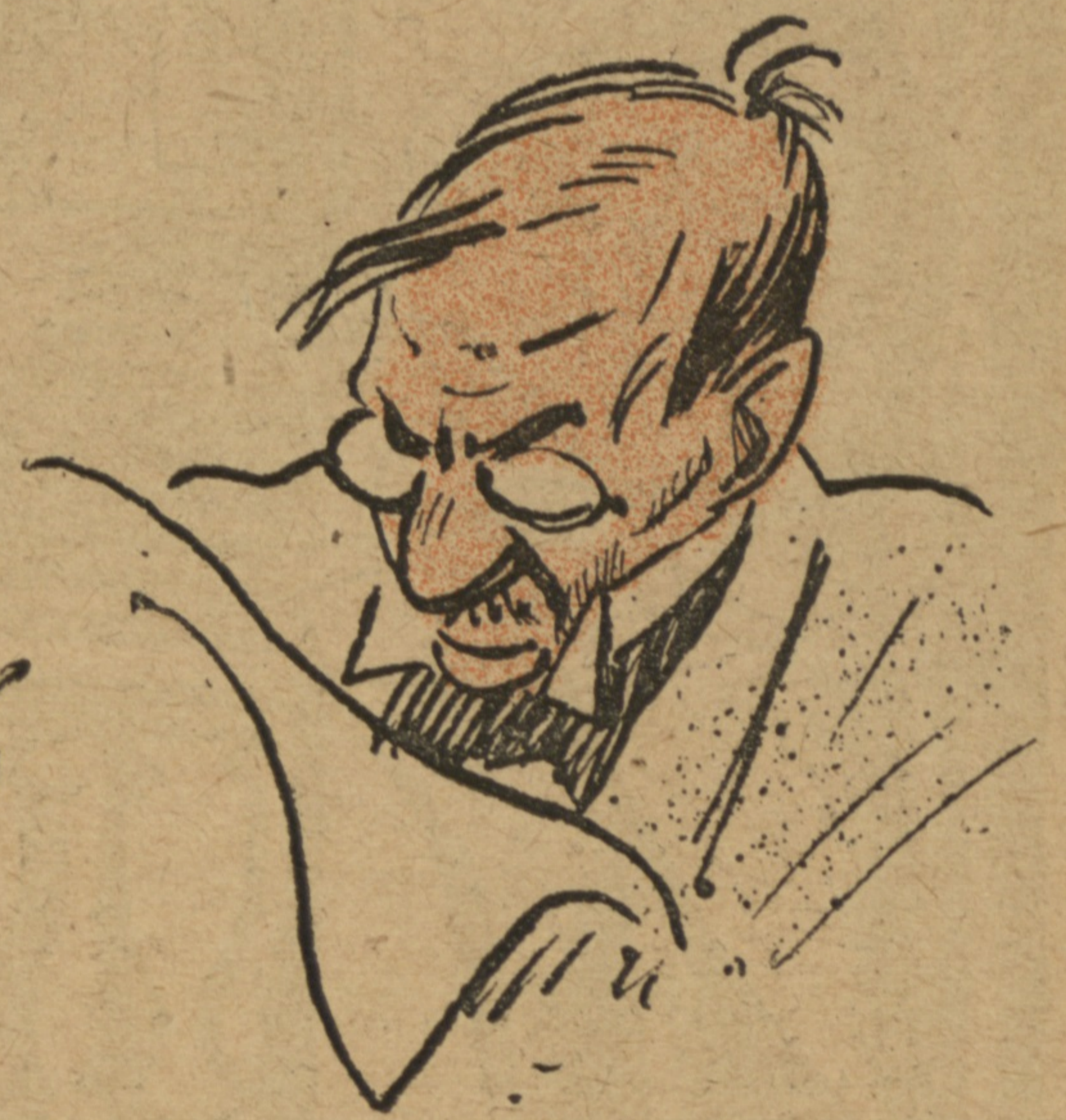
(Читатель газеты.)



Передовая.



Общій обзоръ.



Внѣшнія извѣстія.



Внутренняя хроника.



Назначенія



Фельетонъ.



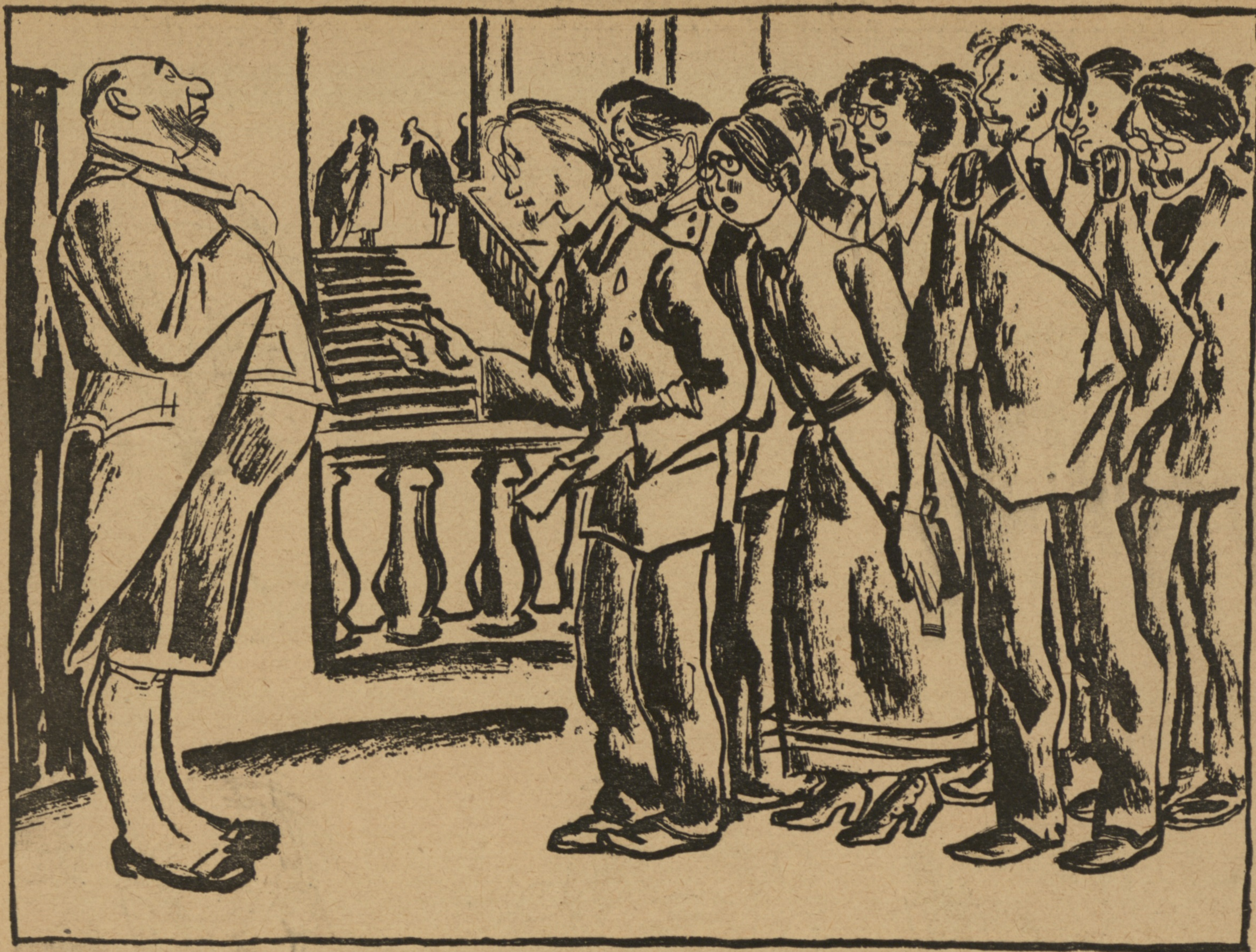
Городскія дѣла.



Театръ.



Биржа.



ГРИМАСЫ ГОРОДА.

„Въ московскомъ Большомъ театрѣ состоялся спектакль, сборъ съ котораго равнялся 72.000 рублей. Ложи продавались по 450 рублей\*.“

(Изъ газетъ.)

Капельдинеръ: — Что за толпа?! Куда?

Студенты: — А мы въ складчину купили ложу за 450 рублей. По полтора рубля съ носа сложились. Пустите!

— Виновать, кто же — «мы»?

— «Центродепутать».

— Это — общественная организація?

— Ну, конечно!.. У насъ все люди общества... Чумаченко, пусть кресло-качалку внесутъ!

— Качалку?..

— Послѣ утомительнаго сидѣнія въ твердомъ депутатскомъ креслѣ, повѣрьте, вы съ наслажденіемъ посидите послѣ обѣда съ гаванной во рту... Чумаченко, коробку сигаръ на письменный столъ, а запасъ въ шкафъ... Завтра, Иванъ Ивановичъ, мы перемѣнимъ вамъ шкафъ, а кстати и остальную мебель... Чумаченко, пусть внесутъ пишущую машину!

— Я жъ не умѣю писать на ней.

— Это принято во вниманіе: въ ваше полное распоряженіе откомандирована для вечернихъ занятій наша служащая Анна Ивановна... очень милая, интересная дѣвица, прекрасно понимающая, что депутатъ можетъ диктовать ей... Наша организація принимаетъ на себя удовлетвореніе Анны Ивановны въ денежномъ отношеніи...

— Меня смущаетъ такая обо мнѣ заботливость...

— Не безпокойтесь!.. Чумаченко, вносите картины и портьеры!.. Да-съ, Иванъ Ивановичъ, повѣрьте, что «Центродепутать» впредь отнесется къ вашей парламентской дѣятельности съ должнымъ вниманіемъ и сможетъ оцѣнить...

— Что такое, что такое?

— ... вашу безкорыстную дѣятельность.

— Такъ, такъ.

— Чумаченко, запечатанный ящикъ осторожно... стекло!.. При нашей организаціи есть потребительская лавка, въ которой все продается по цѣнамъ мирнаго времени...

— Да это жъ даромъ!

— Мм... я бы этого не сказалъ!

— Я васъ не понимаю!

— Почти даромъ: кое-что вѣдь придется платить...

Впрочемъ, это выяснится само собой, потомъ. Для вашихъ поѣздокъ по городу въ ваше распоряженіе можетъ быть отпущенъ автомобиль... Вообще, наша задача — создать депутатамъ комфортъ, отвлечь ихъ отъ повседневныхъ мелкихъ заботъ, которыя отнимаютъ и время, и нервы... поставить ихъ въ такія условія, которыя приучили бы ихъ къ сознанію, что, оберегая себя, они оберегаютъ идею о народномъ представительствѣ, само народное представительство и интересы населенія... Итакъ, мы сейчасъ пожелаемъ вамъ всего наилучшаго... Все, что мы не успѣли устроить сегодня, будетъ сдѣлано завтра. Нашего дежурнаго чи... числящагося дежурнымъ общественнаго дѣятеля, можно вызвать по телефону... До свиданія!

— До свиданія!.. Спасибо!.. Благодарю васъ отъ имени моихъ избирателей... Я тронуть, очень тронуть!

Послѣ рѣчи Ивана Ивановича по смѣтѣ... не все ли равно по какой смѣтѣ?.. отъ его дома отѣзжалъ грузовой автомобиль, наполненный мебелью и всякой утварью. Сзади на извозчикѣ ѣхала Анна Ивановна.

Исидоръ Гуревичъ.



## ПСИХОЛОГИЯ ТВОРЧЕСТВА.

## I.

*Жастроенія и кафе.*

Психология творчества. Въ нужной графѣ  
Не мѣшаетъ ученымъ отмѣтить фактъ:  
Молодой писатель зашелъ въ кафе,  
Вечерняго питанія совершить актъ.

Писатель внимательно прочелъ меню,  
Вдоль цѣнь ногтемъ оставляя слѣдъ,  
Улыбнулся игриво раскрашенной Ню.  
Холостой человѣкъ — почему нѣтъ?

Люди четко раскрывали рта,  
Поглощая прелесть дежурныхъ блюдъ;  
Три румына изъ осѣдлой черты  
Подняли на смѣчки неосторожный прелюдъ...  
По эту сторону зла и добра  
Развлекались одинокіе, какъ могли...  
Звенѣла посуда. Люстры и бра,  
Электричества на цѣлковый въ минуту жгли.

Даль пріютъ старымъ и молодымъ  
Сатана, въ кафе празящій балъ.

Синимъ туманомъ табачный дымъ  
Колдоваль, опьяняль и слезу вышибаль.

Вечеру слава и минувшему дню...  
Вопль румыновъ на эстрадѣ умолкъ,  
Кокаину просить у сутенера Ню,  
А тотъ упрямо не даетъ въ долгъ...

Молодому писателю мнился Парижъ,  
Молодой писатель въ настроеньяхъ вязъ.

— Не Плезиръ — ей-Богу, а прославленный Ришъ,  
То-то сегодня напишу разсказъ.

Къ дому писатель наладилъ шагъ,  
Точно полутный помогаль бризъ;  
Кудесникъ слова, торжественный магъ,  
Цѣлую ночь онъ вставочку грызъ.

Увы! Ни строчки! Даже портвейнъ

Не помогъ ему и, можетъ — примѣръ грубъ,  
Но мнѣ онъ напомнилъ евшевскій бассейнъ,  
Въ которомъ уже дѣйствовали всѣ восемь трубъ.

Психология творчества — въ нужной графѣ,  
Ученый отмѣтить, коль не дуракъ:

Если слишкомъ писатель переживаетъ въ кафе,  
То за письменнымъ столомъ онъ не писатель а—бракъ.

**Валентинъ Горянский.**

## Т Ы Л О В О Е.

— Садитесь!..  
— Ничего, мы и постоимъ...  
— Вы кучеръ?  
— Такъ точно.

— Хорошее это занятіе. Особенно, если есть призваніе,  
если любишь лошадей. Я страшно люблю лошадей. Удиви-  
тельно умное животное, только не поворить... Да... Помню,  
у знакомыхъ была пара: пнѣдой коренникъ, а на пристяжкѣ  
ходила рыжая кобылка; съ виду дрянъ, замухрышка, а за-  
прягутъ — огонь! И представьте: въ огнѣ погибла. Случился  
пожаръ, не могли изъ конюшни вывести. Не идетъ да и  
только. Такъ и спорѣла.

— Зря спорѣла. Надо было хомутъ надѣть, сама выбѣ-  
жала бъ изъ конюшни.

— Не можетъ быть?

— Вѣрное слово.

— Скажите, пожалуйста! Я вижу, вы человѣкъ, знающій  
свое дѣло.

— Ужъ не сумлѣвайтесь.

— Вотъ тоже нѣкоторыя лошади боятся большихъ  
лужъ. Не идетъ въ лужу, хоть ты ее убей...

— Плевое дѣло. Надо подъ лошадь подложить соломы  
да поджечь. Перемахнетъ черезъ лужу, только держись. Че-  
резъ озеро перескочить...

— Смотрите-ка!.. Нѣтъ, я вижу, вы золотой человѣкъ.  
Такого мнѣ и надо. Только, видите ли... Какъ бы это ска-  
зать... Вы женаты?

— Никакъ нѣтъ.

— Жаль, очень жаль. А я думалъ, у васъ есть жена.  
Хотѣлъ нанять ее въ кухарки. Прямо бѣда, никакъ не мо-  
жемъ найти кухарку. Уже больше мѣсяца жена мучится,

сама готовить... Раньше, бывало, дашь объявленіе: «ищу  
кухарку», такъ отбою нѣтъ. А теперь на объявленіе никто  
не отзовется. Всѣ ушли на заводы, въ кондукторши, въ мани-  
кюрши... Просматривалъ вчера объявленія, вижу: «ищу мѣ-  
сто кучера»; дай, думаю, напишу человѣку, можетъ быть у  
него есть жена...

— Нѣтъ, не женаты...

— Хм... Ну, можетъ быть родственницы есть: сестра или  
племянница?

— Нѣту. Одинъ я тутъ.

— Сирота, значить, круглая. Хе-хе-хе! Вотъ бы и же-  
нился!... А я жену въ кухарки взялъ бы и все хорошо было  
бы... Ну, что жъ, ничего не подѣлаешь теперь. (Вздохъ.)  
Развѣ вотъ что! Да, это мысль!.. Можетъ быть вы пойдете  
въ повара? Хорошее жалованье положу.

— Что вы, баринъ!.. Мы съ измальства при лошадяхъ,  
какъ же такъ въ повара...

— Ерунда. Выучиться можно. Всему при желаніи можно  
научиться. Вы грамотный?

— Грамотный.

— Ну, вотъ и отлично. Купимъ поварскую книгу, тамъ  
все какъ пять пальцевъ ясно...

— Нѣтъ, ужъ увольте... Я лучше въ кучера къ вамъ  
пойду.

— Да кучеръ мнѣ не нуженъ. У меня и лошадей-то нѣтъ  
и никогда не будетъ. Ужъ если заводитъ свой выѣздъ, такъ  
только автомобиль. Съ лошадьми такая возня: сѣно, овесъ,  
ковка, ветеринары...

— Зачѣмъ же вы меня вытребовали изъ Новой Деревни?

— Я же думалъ, чудакъ человѣкъ, что ты женатъ, и  
жена поидетъ въ кухарки...

— Нѣтъ, господинъ, такъ не полагается... зря, зна-  
чить, вызывать...

— Ну, мало ли что зря!.. Кто же зналъ, что ты холо-  
стой. Надо было въ объявленіи писать, что, молъ, холостъ,  
что жены не имѣется. Самъ же виноватъ, что не женился...  
И ты, пожалуйста, претензій тутъ не заявляй! Не женишься,  
развратничаешь, да еще въ амбицію вламываешься! Зря, зря...  
Я тебѣ покажу зря! Я вотъ отправлю тебя сейчасъ въ учас-  
токъ, мерзавецъ, ты тамъ у меня поговоришь. Зазнались,  
хамы! Почему молчишь? Вонъ, негодяй!..

**Николай Бреневъ (В. Черній).**

## Н А Т А Ш А.

Въ ея глазамъ былъ ласковый отвѣтъ,  
Всей труппой прозвана «гостепріимной чашей»,  
Играла горничныхъ — разряженныхъ Коллетъ,  
А дома попросту сожитель звалъ Наташей.

Въ Ромнахъ на Рождествѣ увидѣвши «Грозу»,  
Для близкихъ канула въ загадочную Лету,  
И звѣздной полночью усѣлась на возу  
Съ самимъ любовникомъ, похожимъ на котлету.

Лука Приходченко — обрюзгшій человѣкъ,  
Съ пропойнымъ голосомъ и подбородкомъ бритымъ  
Со взглядомъ маслянымъ изъ-подъ тяжелыхъ вѣкъ  
Былъ мужемъ каторжнымъ и черезъ годъ забытымъ...

Когда попржнему была «на выходахъ»,  
Невольнo сжалилась надъ участью суфлера,  
Онъ въ будкѣ скрюченный отсиживалъ года,  
Не смѣя женскаго любовно встрѣтить взора.

Въ тотъ день найдя пріютъ на пышущей груди,  
Суфлеръ вѣрошенный неистово пилъ «чашу»  
Напрасно здравый духъ шепталъ ему: «слѣди», —  
Онъ все перевиралъ и слышалъ лишь Наташу.

За годомъ шель другой и приносилъ ей новъ,  
Все также выходъ былъ и жутокъ и опасенъ,  
Но было хорошо и съ ней была любовь —  
То къ Викѣ комику, то къ резонеру Васѣ...

И позднимъ вечеромъ у сумрачныхъ воротъ,  
Лицо румяное отъ взгляда скрывъ несмѣло,  
Юнцовъ неопытныхъ ждала изъ года въ годъ,  
Ее цѣлющихъ и зло и неумѣло...

**Ал. Флиртъ.**

## ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

## Готтентотская политика.

Сибиряки, приѣзжая въ Петроградъ, превращаются въ подобіе жены Лота при видѣ хвостовъ, очередей и петроградскихъ цѣнъ.

— А у васъ какъ? — спрашиваю сибиряковъ.

— У насъ еще слава Богу. Хлѣбъ есть, мясо есть, масла сколько угодно, много птицы, свиней. Зайцы нипочемъ. Да и на все цѣны дешвыя. Мясопустныхъ дней мы не знаемъ, хотя они и установлены. Мяса выпускаютъ въ продажу такую уйму, что можно запастись не

то что на четыре дня, а на мѣсяцъ пудами, а не фунтами. Рыбы тоже много, и цѣны вполне доступныя.

— А масло у васъ почемъ?

— Теперь поднялось до 70-ти коп. за фунтъ, а недавно еще было 50 коп. Масла въ Сибири много, — такъ много, какъ никогда не было. Вѣдь, вывоза нѣтъ.

Съ завистью изголодавшихся людей, вотъ уже два года перебивающихся съ хлѣба на квасъ, слушаютъ петроградцы рѣчи сибиряковъ. Сливочное масло — 70 к. фунтъ, мяса сколько угодно. И какъ недалеко эти края изобилія, — за Ураломъ. Точно вражская грань этогъ Уральскій хребетъ. Лежить за нимъ сказочная страна, гдѣ мяса собаки не ѣдятъ, а масло въ шесть разъ дешевле, — вѣдь это, по нынѣшней мѣркѣ, такъ же необычайно, какъ рѣки, текушія молокомъ и медомъ, и кисельные берега, — а доступа въ эту страну нѣтъ, хотя это и наше, русское изобиліе.

Рис. К. Груса.



ВЗГЛЯДЪ ВЪ КОРЕНЬ.

— Ага! Опять, стало быть овесъ появился!..



# ВСЕЛЕННАЯ И ЧЕЛОВѢЧЕСТВО

## 1-я премія

### ВСЕЛЕННАЯ И ЧЕЛОВѢЧЕСТВО

при участіи и под редакціей  
маститыхъ сатириконцевъ.

Солидное, фундаментальное издание.

## 2-я премія

1 ориг. картина РЕ-МИ (въ краскахъ).

1 оригинальная картина А. РАДАКОВА  
(въ краскахъ).

Сюжеты этихъ картинъ настолько захватывающи, что мы боимся ихъ сейчасъ опубликовать: сейчасъ же другіе захватятъ...

2 рисунка МИССЪ (силуэты въ красочныхъ медальонахъ).

### Нѣсколько правдивыхъ словъ по поводу.

.. Это былъ пылкій восторженный человекъ, и конторщику конторы „Нов. Сатириконъ“ приходилось дѣлать большія усилія, чтобы умѣрить его пылъ.

Сначала, когда онъ пришелъ подписываться на журналъ, конторщикъ отнесся къ нему официально. Но разговоръ, послѣдовавшій за процедурой подписки, очень взволновалъ скромнаго невозмутимаго конторщика.

Пишущія эти строки подчеркиваетъ скромнаго, потому что этимъ качествомъ отличается вся контора „Нов. Сатирикона“ отъ конторскихъ мальчиковъ до бухгалтера и главноуправляющаго включительно, не говоря ужъ о редакціи, редакторѣ и сотрудникахъ.

Такимъ образомъ, реплики скромнаго конторщика являлись какъ бы отраженіемъ, отблескомъ всеобщей ошеломляющей скромности.

Пылкій подписчикъ (получивъ подписной билетъ, общительно): Прекрасный вашъ журналъ, не правда ли?

Скромный конторщикъ: — Ну, вы скажете тоже... Самый обыкновенный журнальчикъ.

Пылк. подп. — Это мнѣ нравится! Онъ говоритъ „обыкновенный“! „Журнальчикъ“! Милостивый государь! Просто въ васъ не живетъ восхищеніе, преклоненіе передъ прекраснымъ!

Скромн. конт. — Съ чего вы это взяли? Я не понимаю, что вы находите въ журналѣ особенно замѣчательнаго?

Пылк. подп. — И это говорите вы! Знайте же, что я не встрѣчалъ въ Россіи журнала лучше вашего! Да и за границей очень многіе могутъ конкурировать съ нимъ.

Скромн. конт. — Ну, это вы ужъ хватили! Ничего подобнаго.

Пылк. подп. — Ничего подобнаго?! Такъ вы слѣпорожденный

крогъ послѣ этого! Разворачиваешь журналъ и удивляешься: откуда въ наше подлое время столько веселья, благородной бодрости и свѣжести?! Какое отсутствіе усталости; какая изобрѣтательность въ отысканіи новыхъ формъ. Ваши „Волчи я...“

Скромн. конт. (силаясь бороться противъ стремительнаго потока): — А вотъ насъ недавно судили... Развѣ это хорошо? Очень плохо.

Пылк. подп. — Такъ не вы же судили, а васъ. Вы здѣсь не при чемъ! И потомъ, это только доказываетъ, что вы не задумываетесь громко сказать то, что считаете правдой!!

Скромн. конт. (со вздохомъ): — Теперь стали задумываться.

Пылк. подп. — И прекрасно! Задумчивость такъ хороша иногда на веселой оживленной физиономіи. Вашъ редакторъ, навѣрное, очень хороший человекъ?

Скромн. конт. — Ну, знаете ли (оглядывается), я бы этого не сказалъ.

Пылк. подп. — Не сказали бы? Вы потому и не сказали бы, что безтолковость есть свойство, всосанное вами съ молокомъ матери. Я вижу — совершенно напрасно потратилъ съ вами четверть часа! Что касается лично васъ, то я скажу: журналъ прекрасный, но и на солнцѣ есть пятна! Прощайте, постное масляное пятно!

И онъ, не простившись, взволнованный, убѣжалъ.

Скромный конторщикъ пожалъ плечами и сконфуженно обратился ко мнѣ, безмолвному свидѣтелю разговора.

— Не могъ же я хвалить журналъ. Это было бы не солидно...

— И вы правы, — согласился я. — Къ чему реклама, когда подписчики должны подписываться, просто основываясь на логикѣ.

Вечеръло.

**52** НОМЕРА обильно иллюстрированнаго рисунками и карикатурами журнала.

**1** БОЛЬШОЙ  
ТОМЪ „Вселенная и Человѣчество“.

**4** КАРТИНЫ, изъ нихъ дѣѣ исполненныя по способу трехцвѣтной печати,

ИМЕННО:

**2** КАРТИНЫ Ре-ми и А. Радакова.

**2** КАРТИНЫ (силуэты въ красочныхъ медальонахъ) Миссъ.

**ПОДПИСНАЯ ЦѢНА** на 1 годъ безъ доставки 10 рублей; съ доставкой и пересылкой: на 1 годъ — 11 руб.; на 1/2 года — 5 руб. 50 к.; на 1 мѣс. — 95 к.

**Допускается разсрочка:** при подпискѣ 5 руб., 1-го мая 3 руб., 1-го сентября 3 руб.

**Адресъ редакціи и конторы:** Петроградъ, Невскій, 64. Телефонъ 644-56.

Редакторъ: Аркадій Аверченко.

Издатель: Т-во „Новый Сатириконъ“.

Читатель, прочтя эти строки, потреть голову рукой и шепнуть тихо-тихо:

— Что это такое? Очевидно, кто-то из нас съ ума сошел... Или я, или сотрудник газеты „День“, передающий эти свѣдѣнія.

Но нѣтъ! И читатель нормаленъ и сотрудник „Дня“ имѣетъ свѣжую голову на плечахъ.

Разсказываетъ онъ дальше:

Достоинство вниманія, что сибирякамъ строжайше запрещена перевозка масла и всякой снѣди въ пассажирскихъ вѣщахъ.

На станціяхъ при приѣмѣ багажа заставляютъ вскрывать корзины и чемоданы, а на передаточныхъ пунктахъ прибѣгаютъ даже къ помощи „шупа“.

На передаточныхъ пунктахъ корзины, тюки и все, поддающееся проколу, прокалываютъ заостренными желѣзными прутьями: все ищутъ масла и мяса. Вещи при пассажирахъ, чуть только малѣйшее подозрѣніе, тоже подвергаются осмотру. Совсѣмъ какъ въ таможенныхъ въ доброе старое время. Желѣзюшіе провезти пять фунтовъ масла прячутъ въ подушки, въ чемоданы съ бѣльемъ, какъ драгоценность. А между тѣмъ масла въ Сибири миллионы пудовъ, и лежитъ оно невѣдомо для кого и для чего...

Сибирь — страна не только изобилія, но и нелѣпостей. У пассажировъ ощупываютъ и прокалываютъ корзины и тюки, боясь, какъ бы не вывезли въ Россію лишніе десяти фунтовъ мяса...

Сказано:

Все существующее — разумно.

Кто это сказалъ? Не состоитъ ли сей мужъ на субсидіи у лицъ, распорядившихся не допускать въ Россію сибирскаго масла и мяса.

#### Уваженіе.

— Я т-тебя уважу, — говоритъ пьяное животное, нанося налѣво и направо скулодробительные удары.

Точно такъ же понимаютъ уваженіе и германскіе моряки.

Капитанъ испанскаго парохода „Adriatic“ сообщилъ, что передъ потопленіемъ его парохода германскій офицеръ, въ возрастѣ приблизительно 25 лѣтъ, взявъ судовой флагъ, заявивъ въ отвѣтъ на протестъ капитана, что подводнымъ лодкамъ приказано уважать испанскій флагъ и что онъ беретъ его, дабы флагъ этотъ не пошелъ ко дну вмѣстѣ съ пароходомъ.

Вѣроятно, испанцамъ тоже приказано уважать нѣмецкій мундиръ...

Этому уваженію нѣмецкаго мундира испанцы могутъ придать такое же софистическое толкованіе: мундиръ уважить, аккуратно снять его и спрятать въ сухое мѣсто, а то, что находилось въ мундирѣ, повѣсить на одной изъ самыхъ высокихъ рей.

Логика та же.

#### Паденіе цѣны на обувь.

Въ ночь на четвергъ въ шантанно-ресторанномъ отдѣленіи одного изъ столичныхъ театровъ публика раскутилась и устроила „веселую ночь“.

Устроители „веселой ночи“ вздумали разыгрывать съ аукціона конфеты. Публика набивала цѣну и платила, въ концѣ концовъ по пяти рублей за конфету.

Удача вдохновила „аукционистовъ“. Появилась голова сахара. Быстро цѣна дошла до 550 рублей.

Одна изъ дамъ, заразившись азартомъ, заявила, что продаетъ съ аукціона (съ благотворительной цѣлью) свой башмачекъ. Выдумка понравилась. Башмачекъ былъ проданъ за 245 рублей.

Сообщившій эту сенсацию сотрудникъ „Петрогр. Газеты“ находится въ полной увѣренности, что онъ ошарашилъ читателя цѣной 245 рублей за одинъ башмачекъ.

А, по-нашему, при существующихъ цѣнахъ на ботинки, субъектъ, заплатившій 245 рублей за башмачекъ, совершилъ довольно выгодную сдѣлку.

Такъ, выражаясь глубокомысленно, будничная жизнь опережаетъ роскошное безуміе...

#### Виртуозъ.

Нынче куда-то пропало умѣнье виртуозно врать... Только изрѣдка вспыхнетъ кое-гдѣ отраднѣйшій веселый огонекъ этого труднѣйшаго изъ искусствъ.

Одесса. Выяснилось, что похитителемъ великолѣпныхъ брилліантовъ, украшавшихъ оправу касперовской иконы въ соборѣ, оказался служитель собора Загоруйко.

При допросѣ Загоруйко заявилъ, будто эти брилліанты сами выпали изъ ризы иконы, а онъ нашелъ ихъ и спряталъ. Дома же жена его украла у него брилліанты изъ кошелька и продала часовщику.

Можно было бы сказать иначе: шелъ я мимо иконы, и брилліанты въ это время отъ вѣтра выпали изъ гнѣздъ и попадали мнѣ въ карманъ... Я даже и не замѣтилъ. Ну, конечно, потомъ продалъ татарину этотъ костюмъ, а онъ его спустилъ часовщику... Часовщикъ нашелъ брилліанты, да и пустилъ ихъ въ оборотъ.

Эхъ, Загоруйко...

#### Осрамились.

Про одесситку поютъ:

Одесситка —  
Вотъ она какая,  
Одесситка —  
Пылкая, живая.

Судя по разсказу одного одесскаго журналиста, эти вышепоименованныя свойства на одесситовъ, завѣдующихъ городской библиотеккой, не распространяются.

„Понадобилось мнѣ прочесть для одной работы повѣсть одного современнаго беллетриста. Иду въ городскую публичную библиотечку, спрашиваю необходимыя книги, а мнѣ говорятъ: „У насъ нѣтъ беллетристики!“ — Я былъ прямо оскорбленъ этимъ заявленіемъ! Мнѣ извѣстно, что въ Германіи, не только что въ Берлинѣ, но и въ Мюнхенѣ и въ Дрезденѣ я обязательно найду въ библиотекахъ сочиненія видныхъ русскихъ беллетристовъ. У насъ же въ Одессѣ — нѣтъ, а Одесса — крупный портъ и считается европейскимъ городомъ“.

Одесситъ занимается съ пшеницей; зачѣмъ ему заниматься съ беллетристикой?

#### Кала-мала.

Въ этомъ же номерѣ нашего журнала въ отдѣлѣ „Почт. ящикъ“ одинъ писатель открылъ новый языкъ:

— Американскій.

Самолюбивые сибиряки рѣшили сочинить свой собственный языкъ: сибирскій.

Вотъ:

„Голосъ Тайги“ получаетъ изъ зейской почтово-телеграфной конторы агентскія телеграммы приблизительно въ такомъ видѣ. (Изъ телегр. № 26119—а).

„Парижъ, 10—1, „маменты признавая единодушно исполнителью вашешсть оне испорическое уредидическое здоніе ноте Вильсона видегъ ней лишъ прекрасное между мирѣ дѣлающую шестъ человекству, но какъ говоритъ финаро — и т. д. все въ томъ же родѣ“.

Недаромъ газета носить жуткое названіе:

— „Голосъ Тайги“...



#### Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

##### А. Петроградъ.

Муссъ-Куссъ. — „Если разсказъ пойдетъ — отвѣтите только одно слово, какъ говорятъ англичане: „Yes“.“

За присылку разсказа „merci“, какъ говорятъ французы, что же касается его пригодности, то „онъ слабъ“, какъ говорятъ русскіе.

Больш. Мон. II. — С. О. П. — Этотъ молодой человекъ — лингвистъ болѣе низкаго пошиба, чѣмъ Муссъ-Куссъ. У С. О. П., напримеръ, одинъ американецъ:

... Шепнулъ что-то по-американски своему сосѣду“.

Пусть наше разоблаченіе ввергнетъ васъ въ бездну безпросвѣтнаго отчаянія, но мы должны освѣдомить васъ въ самой категорической формѣ: американскаго языка нѣтъ! Поняли?

Суконный языкъ есть -- и то не у американцевъ.

##### Б. Провинція.

Казань. Собаководову. — Рѣшилъ развеселить міръ островами этотъ самый Собаководовъ:

— „Что это вы, Петръ Иванычъ, нервничаете, будто на иголкахъ сидите?“

— Вы угадали!.. Я нечаянно усѣлся сейчасъ на граммофонныя иголки...“

Картина“.

Дѣйствительно — картина. Только, какая? Очень плоская, картина.

И Петръ Иванычъ вашъ тоже глупъ. Зачѣмъ ему было сидѣть на иголкахъ? Неужели такъ трудно пересѣсть на другой стулъ. Можетъ быть, другого стула не было?

Такъ вынь изъ-подъ себя эти иголки, кретинъ ты этакій, и сиди спокойно!! Не заставляй постороннихъ людей изъ-за твоей недогадливости плоско остричь!!

Простите, Собаководовъ, насъ за рѣзкость, но вѣдь этотъ вашъ Петръ Иванычъ способенъ ангела изъ себя вывести.

Ст. Грачеву. Ки-мо-но. — „Посылаю лучшее, что написалъ“:

„Бубенцы, разсыптесь словно бы горохъ.“

Эхъ, помчишься ты взвейся, тройка“...

— Тпррру... Не надо. Зря скачете.

Ave.

**Гдѣ** бываютъ артисты и писатели ?  
за завтракомъ, обѣдомъ и  
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ  
**И. С. СОКОЛОВА.**

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные  
кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 11 чзз.



ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ

НОВАЯ КНИГА:

АРК. АВЕРЧЕНКО.

„ПОДХОДЦЕВЪ И ДВОЕ ДРУГИХЪ“

Вышло въ свѣтъ

четырнадцатое изданіе

КНИГИ

Аркадія Аверченко.

„ЧЕРНЫМЪ ПО БѢЛОМУ“.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

## ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 64. — Телефонъ 644—56.

Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣе 3-хъ руб., за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу слѣдующія книги:

Юмористическіе альманахи „Новаго Сатирикона“ при участіи авторовъ.

А. Аверченко, Вл. Азова, А. Бухова, Евг. Вѣнскаго, Исид. Гуревича, Е. Дольскаго, О. Дымова, Г. Ландау, О. Л. Д'Ора и Теффи. Иллюстраціи художниковъ А. Радакова, В. Лебедева, Ре-ми и А. Юнгера. Обложки работы художника Ре-ми.

- 1) Осинový колъ на могилу зеленого змія. Цѣна 1 р. 50 к.
- 2) Теплая компанія (Съ кѣмъ мы воюемъ). Цѣна 1 р. 25 к.
- 3) Письмовникъ „Нов. Сатирикона“ съ приложеніемъ самоучителя танцевъ и танцевальн. разговоровъ. Цѣна 1 р. 25 к.
- 4) Физиологія и анатомія человѣка съ приложеніемъ психологіи человѣка. Цѣна 1 р. 50 к.
- 5) Всеобщая исторія, обработанная Сатириконцами. Цѣна 1 р. 50 к.
- 6) „Вѣстникъ Знанія Новаго Сатирикона“. Цѣна 1 р. 50 к.

### Карманная бібліотека „Новаго Сатирикона“.

- Выпускъ 1-й. Ал. Гринъ. Происшествіе въ улицѣ Пса. Цѣна 50 к.  
 „ 2-й. Гр. Алексѣй Толстой. Оріонъ. Цѣна 50 к.  
 „ 3-й. Александръ Рославлевъ. Князь изъ Альгамбры. Цѣна 50 к.  
 „ 4-й. „ „ Записки полицейскаго пристава. Цѣна 50 к.

### Театральная бібліотека „Новаго Сатирикона“.

Аркадій Аверченко.

Томъ 1-й. 8 одноактныхъ пьесъ.  
Цѣна 2 рубля.

Томъ 2-й и 4-й. Бенгальскіе огни.  
Цѣна 2 рубля

Томъ 3-й. Чортова дюжина.  
Цѣна 2 рубля.

Томъ 5-й. Безъ суфлера.  
Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ 6-й. Подъ холщевыми небесами.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Тэффи.

Томъ 1-й. 8 миниатюръ.

Цѣна 2 рубля.

Томъ 2-й. Новыя миниатюры.

Цѣна 2 рубля.

ЧТО ОНИ БУДУТЪ ДѢЛАТЬ ПОСЛѢ ВОЙНЫ.

(Sic transit...)

Рис. В. Лебедева.



*Вильгельмъ II.* — Господинъ Ре-ми! Вы меня столько разъ зарисовывали... Нельзя ли поэтому поступить къ вамъ въ натурщики?



*Карлъ Австрійскій.* — По свидѣтельству вѣнскихъ газетъ, Карлъ одинъ изъ лучшихъ наѣздниковъ Австрiи. Этотъ талантъ очень ему пригодится въ циркѣ Луле (высшая школа верховой ѣзды).



*Фердинандъ Кобургскій.* — Одно изъ лучшихъ украшеній Фридрихштрассе.

Важень попрежнему, будто въ его рукахъ не шуцманская палка, а скипетръ.



*Турецкій Магометъ.* — Ампула египтянина Али въ циркѣ Чинизелли. Ъсть гвозди, стекло, резину, пьетъ керосинъ.

Набрасывается жадно, потому что въ свое время въ Турци и этого не было.